

Научная статья

УДК 343.3

doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.022

Уголовно-правовая охрана биологической безопасности в условиях угрозы биотерроризма

АЛЬБИНА АРЧИЛОВНА ШАТАЛОВА

Северо-Кавказский социальный институт, Ставрополь, Россия,
ms.bonami@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются особенности уголовно-правовой характеристики патогенных биологических агентов как средства совершения террористического акта, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 205 УК РФ. Анализируются особенности биологических факторов как объектов двойного назначения, способных использоваться как в рамках правомерной научной деятельности, так и в качестве орудия совершения преступления. Рассматриваются вопросы разграничения биотерроризма с диверсией, предусмотренной ст. 281 УК РФ, а также с преступлениями, связанными с нарушением правил обращения с патогенными биологическими агентами. Сформулированы предложения по совершенствованию уголовно-правовых подходов к оценке использования патогенных биологических агентов с учетом развития современных биотехнологий и трансформации биологических угроз.

Ключевые слова: биотерроризм; террористический акт; диверсия; патогенные биологические агенты; биологическое оружие; биологическая безопасность; оружие массового поражения; уголовная ответственность; биологические угрозы.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Шаталова А. А. Уголовно-правовая охрана биологической безопасности в условиях угрозы биотерроризма // *Ius publicum et privatum*: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2026. № 3 (35). С. 172–180. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.022.

Original article

Criminal Law Protection of Biological Safety amid the Threat of Bioterrorism

AL'BINA A.SHATALOVA

North-Caucasus Social Institute, Stavropol, Russia, ms.bonami@mail.ru

Abstract. The article considers features of the criminal law characteristics of pathogenic biological agents as a means of committing a terrorist act, as provided for in paragraph "a" of Part 3 of Article 205 of the Criminal Code of the Russian Federation. The specifics of biological factors as dual-use objects, capable of being used both within the framework of lawful scientific activity and as a tool for commit-

ting a crime, are analyzed. The issues of distinguishing bioterrorism from sabotage, as provided for in Article 281 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as from crimes related to violations of the rules for handling pathogenic biological agents, are discussed. Proposals are formulated to improve the criminal law approaches to assessing the use of pathogenic biological agents, taking into account the development of modern biotechnologies and the transformation of biological threats.

Key words: bioterrorism; terrorist act; sabotage; pathogenic biological agents; biological weapons; biological safety; weapons of mass destruction; criminal liability; biological threats.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Shatalova A.A. Criminal law protection of biological safety amid the threat of bioterrorism. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2026, no. 3 (35), pp. 172–180. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.022.

Начало XXI в. стало периодом, когда угроза использования биологических факторов в террористических целях перестала восприниматься исключительно как гипотетический сценарий. Одним из наиболее показательных примеров стала серия рассылок в почтовой системе США осенью 2001 г., когда письма, содержащие споры возбудителя сибирской язвы, были направлены в адрес государственных учреждений и средств массовой информации. В результате этой атаки погибли пять человек, десятки лиц подверглись заражению либо были вынуждены пройти профилактическое лечение, а сама акция вызвала масштабные социальные последствия, значительно превысившие непосредственный физический вред, причиненный потерпевшим [1].

Данный инцидент наглядно продемонстрировал особенность биотерроризма как формы преступного насилия, где угроза применения биологических агентов состоит не только в их способности причинять вред жизни и здоровью людей, но и в возможности создавать атмосферу неопределенности, массового страха и дестабилизации общественных процессов.

Однако будет неверным говорить о том, что данная террористическая атака явилась беспрецедентной. История развития человечества содержит многочисленные свидетельства того, что биологические факторы на протяжении длительного времени рассматривались как потенциальное средство воздействия на противника в условиях вооруженных конфликтов. В отличие от традиционных видов оружия, патогенные биологические агенты (далее – ПБА) обладали особым свойством, таким как способность продолжать свое воздействие уже после непосредственного применения, распространяясь за пределы первоначальной зоны конфликта и поражая широкий круг лиц [2, с. 34].

Одним из наиболее часто упоминаемых исторических примеров использования биологического фактора является осада гнуэзской крепости Каффа (современная Феодосия) в XIV в. Согласно сведениям ряда исторических источников, во время противостояния 1346 г. осаждающие применяли тела умерших от чумы людей в качестве средства воздействия на защитников крепости. В дальнейшем через торговые и миграционные связи инфекция распространилась в европейские регионы, что стало одним из факторов масштабной эпидемии чумы, получившей название «Черная смерть» [3, с. 126].

Отдельные случаи использования зараженных останков или предметов в качестве средства поражения противника отмечались и в последующие исторические периоды. Так, в период вооруженных конфликтов в Европе предпринимались попытки распространения чумы среди войск противника посредством забрасывания зараженных материалов на тер-

ритории осажденных укреплений. Подобные действия, по мнению ученых, свидетельствуют о раннем понимании воюющими сторонами возможности использования инфекционных заболеваний как своеобразного «невидимого оружия», последствия которого могли выходить далеко за пределы поля боя [4, с. 46].

Особое место в истории применения биологических факторов занимает использование возбудителя натуральной оспы в период европейской колонизации Северной Америки. Известны случаи намеренной передачи зараженных предметов представителям коренных народов, которые не обладали достаточным иммунитетом к данному заболеванию [5, с. 27]. Подобные эпизоды, по мнению специалистов, способствовали распространению эпидемий среди индейского населения и стали одним из трагических примеров использования биологического фактора в целях уничтожения либо ослабления противника.

В дальнейшем внимание к проблеме биологических угроз существенно возросло в период пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19, ставшей одним из наиболее значимых эпидемиологических событий XXI в. Представляется обоснованным мнение Л. А. Бураевой и З. И. Дадовой о том, что распространение вируса SARS-CoV-2 наглядно продемонстрировало способность локальной биологической угрозы в условиях высокой мобильности населения, развитости транспортных коммуникаций и глобальной взаимосвязанности социальных процессов достаточно быстро приобретать транснациональный масштаб [6, с. 135].

В продолжение мнения специалистов следует отметить, что пандемия выявила многоаспектный характер воздействия биологических факторов, последствия которых выходят далеко за пределы непосредственного причинения вреда здоровью человека. Массовое распространение инфекции способно оказывать влияние на устойчивость социальных институтов, экономические процессы и функционирование системы государственного управления. Ограничение международного сообщения, нарушение сложившихся хозяйственных связей, значительная нагрузка на системы здравоохранения и необходимость принятия оперативных управленческих решений продемонстрировали масштаб последствий, которые могут сопровождать реализацию биологических угроз.

Опыт пандемии COVID-19 и анализ случаев преднамеренного использования ПБА позволяют сделать вывод о том, что биологические угрозы обладают многомерным характером и не ограничиваются исключительно сферой охраны здоровья населения. Их последствия способны затрагивать широкий комплекс общественных отношений, связанных с обеспечением общественной безопасности, устойчивостью экономических процессов, функционированием объектов критической инфраструктуры и сохранением экологического равновесия.

Особую опасность представляют ситуации, при которых биологические агенты используются не как результат нарушения правил обращения с ними, а как инструмент достижения преступных целей. В подобных случаях патогенный микроорганизм выступает уже не только фактором биологического риска, но и средством воздействия на общество, институты государственной власти, местного самоуправления и международные организации.

Проблематика использования биологических факторов в целях причинения вреда получила дополнительное развитие в отчетах официальных представителей Минобороны России после начала специальной военной операции на Украине. Так, отмечалось, что Вооруженными силами РФ были вскрыты факты реализуемой военно-биологической программы, финансируемой США. Так, 19 июня 2026 г. начальником войск радиационной, химической и биологической защиты (РХБЗ) Вооруженных сил России Алексеем Ртищевым в ходе брифинга Минобороны РФ по вопросам анализа опубликованных национальной разведкой США документов, касающихся деятельности биологических лабораторий на территории Украины, заявил, что украинские биологические лаборатории использовались для исследования возбудителей чумы, сибирской язвы, туляремии, лихорадки Марбург и Эбола [7].

Подобные факты указывают на то, что вопросы разработки и использования ПБА сохраняют высокую значимость в контексте международной безопасности. Потенциальная возможность превращения биологических исследований из инструмента развития медицины и науки в средство поражения человека и окружающей среды обуславливает необходимость строгого соблюдения международно-правовых ограничений, установленных Конвенцией о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (далее – КБТО).

Данный международный акт, одобренный Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций в 1971 г., открытый для подписания 10 апреля 1972 г. и вступивший в силу 26 марта 1976 г., закрепил фундаментальный запрет на разработку, производство, накопление и иное приобретение биологического оружия [8]. Значение КБТО заключается не только в установлении формального запрета на создание наступательных биологических вооружений, но и в формировании международного режима предупреждения злоупотреблений в сфере биологических технологий двойного назначения.

Вместе с тем, по мнению П. Н. Кобеца, действующая система международно-правового регулирования в сфере предупреждения распространения биологического оружия сохраняет ряд проблемных аспектов. Ученый обращает внимание на то, что, в отличие от некоторых иных международных договорных режимов, КБТО не предусматривает создание самостоятельной специализированной организации с широкими надзорными полномочиями, которая осуществляла бы постоянный контроль за соблюдением государствами-участниками принятых обязательств [9, с. 26].

В поддержку мнения автора скажем, что отсутствие единого международного органа с полноценным механизмом верификации ограничивает возможности оперативного выявления нарушений и оценки характера биологических исследований, особенно в условиях стремительного развития технологий двойного назначения. Данная проблема приобретает особую значимость в связи с тем, что современные биотехнологии позволяют проводить исследования, результаты которых могут иметь как мирное, так и потенциально опасное применение.

В связи с этим в научной литературе и международной практике неоднократно высказывались предложения о дальнейшем совершенствовании институциональной основы КБТО, включая создание специализированного механизма контроля либо расширение полномочий существующих международных структур [10, с. 12]. Вместе с тем обеспечение биологической безопасности не может быть сведено исключительно к организационным и административным мерам международного контроля. Наряду с совершенствованием механизмов надзора за проведением исследований с использованием ПБА, развитием системы обмена информацией и повышением прозрачности научной деятельности существенное значение приобретает формирование эффективного правового инструментария предупреждения и пресечения их противоправного использования.

В данном контексте особая роль отводится охранительным нормам права, среди которых уголовно-правовые средства занимают особое место. Исходя из задач уголовного законодательства, данные нормы призваны выполнять охранительную функцию, обеспечивая защиту общественных отношений, имеющих повышенную социальную значимость, от противоправного использования ПБА в качестве средства причинения вреда человеку, обществу либо государству. Установление уголовной ответственности за такие деяния выполняет не только карательную, но и превентивную функцию, формируя правовой барьер между развитием биотехнологий в мирных целях и их превращением в инструмент преступного воздействия.

Вместе с тем использование биологических факторов в преступных целях не всегда свидетельствует о совершении террористического акта. Уголовно-правовая оценка таких деяний зависит прежде всего от содержания умысла виновного и направленно-

сти его действий. Если применение патогенных биологических агентов преследует цель воздействия на принятие решений органами власти, содеянное приобретает признаки террористического акта, предусмотренного ст. 205 УК РФ. В то же время использование биологических факторов для подрыва экономической безопасности, ослабления обороноспособности государства либо повреждения объектов, имеющих стратегическое значение, может свидетельствовать о наличии признаков диверсии, состав которой предусмотрен ст. 281 УК РФ.

Не погружаясь в рамках настоящего исследования в детальный анализ уголовно-правовой характеристики указанных составов, отметим, что применительно к рассматриваемой проблематике их объединяет не только использование биологических факторов как источника повышенной опасности, но и сходство в механизме преступного воздействия. В обоих случаях ПБА выступают в качестве орудия либо средства совершения преступления, посредством которого виновный стремится достичь общественно опасного результата.

Следует отметить, что общим элементом рассматриваемых преступлений выступает использование биологических факторов повышенной опасности, которые при определенных условиях могут приобретать качества биологического оружия.

Особенность биологических средств поражения заключается в их специфических свойствах: латентном характере воздействия, способности к самораспространению и возможности выхода последствий за пределы первоначального объекта воздействия.

В контексте рассматриваемой проблематики особого внимания заслуживает вопрос о возможностях противоправного использования биологических агентов, в том числе компонентов биологического оружия, обладающих значительным поражающим потенциалом. Опасность их применения заключается не только в способности причинять вред жизни и здоровью человека, но и в возможности воздействия на окружающую природную среду, отдельные ее элементы и связанные с ними общественные отношения.

Как было ранее показано, в исторической перспективе биологические факторы неоднократно рассматривались как средство воздействия в условиях вооруженных конфликтов и иных форм противоборства. Их применение может быть направлено не только на непосредственное поражение людей, но и на изменение состояния определенных территорий, заражение водных объектов, сельскохозяйственных угодий, лесных массивов и иных природных компонентов.

Несмотря на существующий международно-правовой запрет на разработку, производство, накопление и применение биологического оружия, вопросы определения его содержания, а также выработки критериев отнесения конкретных биологических объектов к данной категории по-прежнему остаются дискуссионными. Как справедливо отмечают З. М. Бешукова и А. М. Шадже, сложность решения данной проблемы обусловлена тем, что развитие современных биотехнологий существенно расширяет возможности использования биологических материалов, а граница между правомерными научными исследованиями и потенциально опасными разработками определяется не столько природными свойствами самого объекта, сколько целями, условиями и способом его применения [11, с. 102].

По мнению специалистов, особую проблему представляет разграничение биологических агентов, используемых в научных и медицинских целях, и тех же объектов, превращенных в средство поражения. Динамичность развития биологических технологий обуславливает постоянное изменение представлений о содержании категории «биологическое оружие». Если ранее оно преимущественно связывалось с традиционным пониманием средств массового поражения, основанных на применении специально культивируемых патогенных агентов, то сегодня данная проблема приобрела более сложный характер. Современные возможности генной инженерии, синтетической биологии и иных направлений биотехнологий создают новые формы биологических рисков, требующих совершенство-

вания как международных механизмов контроля, так и уголовно-правовых средств противодействия.

В связи с этим для целей уголовно-правового исследования важным является не столько формальное отнесение конкретного биологического объекта к категории оружия, сколько установление его роли в механизме совершения преступления. При квалификации деяний, связанных с использованием патогенных биологических агентов, определяющее значение должны иметь способ применения такого агента, цели виновного и характер создаваемой угрозы охраняемым уголовным законом общественным отношениям.

В нынешнем понимании биологическое оружие представляет собой не столько совокупность патогенных микроорганизмов, сколько комплекс биологических факторов, способных при определенных условиях использоваться в качестве средства поражения. К числу таких факторов могут относиться возбудители опасных инфекционных заболеваний, вирусы, бактерии, споры, риккетсии, биологические токсины, прионы и иные биологические агенты, применение которых способно вызвать массовое поражение людей либо оказать существенное воздействие на состояние здоровья населения [12, с. 89].

Опасность подобных объектов обусловлена их специфическими свойствами. В отличие от традиционных средств поражения, биологические агенты могут оказывать воздействие не только посредством непосредственного повреждения жизненно важных органов и систем организма, но и через нарушение работы иммунной системы, развитие инфекционных процессов и последующее распространение заболевания среди неопределенного круга лиц.

Особое значение имеет вопрос о способах доставки и распространения биологических агентов. Ранее для этих целей использовались различные технические средства, включая специальные распыляющие устройства, авиационные средства доставки, контейнеры и иные приспособления, обеспечивающие сохранение биологического материала и его попадание в окружающую среду. Современное развитие технологий, в том числе беспилотных летательных аппаратов, расширяет спектр возможных способов применения таких агентов, что повышает риск их использования в террористических, диверсионных и иных противоправных целях.

Сложность определения критериев, определяющих качественную сторону категории «биологическое оружие», во многом обусловлена тем, что в научной литературе они, как правило, рассматриваются через призму военного назначения. Как отмечает М. Ш. Гедиев, при формулировании данного понятия многие исследователи исходят из того, что биологическое оружие представляет собой средство поражения живой силы противника, используемое субъектами, обладающими соответствующими возможностями в условиях вооруженного противостояния [13, с. 82]. Такой подход отражает классическое представление о биологическом оружии как разновидности оружия массового поражения, предназначенного для достижения военно-стратегических целей.

Однако развитие современных биологических технологий и изменение характера угроз безопасности позволяют говорить о более широком контексте возможного применения патогенных биологических агентов. Их использование не ограничивается исключительно сферой военного конфликта и может выступать инструментом иной враждебной деятельности, направленной на причинение ущерба государству, обществу либо отдельным сферам его жизнедеятельности. В частности, преднамеренное распространение возбудителей инфекционных заболеваний среди населения, создание очагов заболеваний животных или поражение объектов растительного мира способны вызвать последствия, затрагивающие санитарно-эпидемиологическую, экологическую и экономическую безопасность.

При этом правовая оценка биологического объекта не может основываться исключительно на его природных свойствах либо потенциальной способности причинять вред. Принципиальное значение приобретает направленность использования его компонентов.

В этой связи представляется заслуживающей поддержки позиция П. Н. Кобеца о том, что именно враждебная цель, состоящая в стремлении причинить существенный вред охраняемым общественным отношениям посредством применения биологических факторов, позволяет отграничить запрещенные формы использования биологических материалов от правомерной научной и медицинской деятельности [9, с. 27]. Следовательно, ключевым критерием является не сам факт существования опасного биологического агента, а его предназначение в конкретной ситуации и роль в механизме достижения преступного результата.

Данное обстоятельство имеет принципиальное значение для уголовно-правовой оценки использования патогенных биологических агентов. Один и тот же биологический материал в зависимости от целей и условий применения может находиться в сфере правомерной научной деятельности либо приобретать качество средства совершения преступления. В последнем случае дальнейшая квалификация зависит от направленности умысла виновного: использование ПБА для создания атмосферы страха и воздействия на принятие решений органами власти может свидетельствовать о совершении террористического акта, тогда как их применение для подрыва экономической безопасности, обороноспособности или разрушения стратегически значимых объектов – о наличии признаков диверсии.

Проведенный анализ показывает, что биотерроризм не следует рассматривать исключительно как разновидность применения биологического оружия в условиях вооруженного конфликта. Современное понимание данной угрозы выходит за рамки традиционных представлений о военном использовании ПБА и охватывает случаи их использования в целях создания атмосферы страха, воздействия на принятие решений органами власти и дестабилизации общественных отношений.

При этом сам факт использования ПБА не предопределяет квалификацию содеянного исключительно по признакам ст. 205 УК РФ. Один и тот же биологический агент может иметь различное квалификационное значение в зависимости от целевого назначения его использования. Если его применение направлено на устрашение населения либо оказание воздействия на принятие решений органами государственной власти, содеянное образует признаки террористического акта, квалифицируемого по п. «а» ч. 3 ст. 205 УК РФ. В то же время использование таких агентов для подрыва экономической безопасности, ослабления обороноспособности государства либо причинения вреда стратегически значимым объектам свидетельствует о наличии признаков диверсии, предусмотренной п. «а» ч. 3 ст. 281 УК РФ.

Отдельного внимания заслуживает разграничение указанных преступлений с деяниями, связанными с нарушением правил обращения с патогенными биологическими агентами. В отличие от случаев неосторожного либо ненадлежащего обращения с биологическими объектами, при биотерроризме и диверсии ПБА используются как средство достижения заранее определенной преступной цели. Поэтому определяющим критерием уголовно-правовой оценки должно выступать не только свойство самого биологического агента, но прежде всего его функциональное назначение в механизме преступного посягательства.

В связи с этим представляется необходимым дальнейшее совершенствование доктринальных подходов к уголовно-правовой оценке использования ПБА, а также формирование категориального и понятийного аппарата, учитывающего как положения международных актов в сфере биологической безопасности, так и особенности современных биотехнологических угроз.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Грудинкин А. Сибирка с доставкой на дом. «Почтовый терроризм» в США – интриги спецслужб или заговор ученых? URL: <https://ps.1sept.ru> (дата обращения: 10.07.2026).

2. Исторические аспекты биотерроризма. Факторы, определяющие возможность использования патогенных биологических агентов в качестве биологического оружия / М. А. Юдин, А. С. Богачева, А. Л. Бузмакова и др. // Проблемы особо опасных инфекций. 2023. № 4. С. 32–41.
3. Абрамов Д. М. Западноевропейское средневековое наследие многонационального Крыма (Каффа) // Этнодиалоги. 2016. № 2 (51). С. 120–145.
4. Кутепов В. А., Пасечников Ю. В. К истории применения оружия массового поражения и новых средств вооруженной борьбы // ОмГТУ. 2014. № 6. С. 44–51.
5. Кошелева А. И., Мишин В. А., Павлушина В. П. Из истории эпидемий натуральной оспы и оспопрививания // Science Time. 2021. № 12 (96). С. 25–29.
6. Бураева Л. А., Дадова З. И. Биологический терроризм: понятие, сущность, проявления // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 2. С. 134–136.
7. Исследования чумы и Эболы. Работа биолaborаторий Пентагона за пределами США. URL: <https://tass.ru> (дата обращения: 10.07.2026).
8. Конвенция о запрещении биологического и токсинного оружия // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. М., 1977. Вып. XXXI. Ст. 2295. 590 с.
9. Кобец П. Н. Особенности феномена биотерроризма в условиях XXI столетия и меры противодействия // Научный портал МВД России. 2021. № 1 (53). С. 25–33.
10. Голуб К. Ю. Проблемы и перспективы становления механизмов обеспечения биологической безопасности в формате Организации Договора о коллективной безопасности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. № 1 (854). С. 9–15.
11. Бешукова З. М., Шадже А. М. История формирования международно-правовых норм о запрещении биологического оружия и борьбе с биологическим терроризмом // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 5. С. 100–104.
12. Биологические чрезвычайные ситуации : учеб. пособие / Л. Т. Миннахаметова, Р. Р. Миннахаметова, А. А. Мисбахов, А. А. Ситдикова. Казань, 2013. 123 с.
13. Гедиев М. Ш. Незаконный оборот оружия массового поражения как преступление против мира и безопасности человечества : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2012. 174 с.

REFERENCES

1. Grudinkin A. *Sibirka s dostavkoina dom. «Pochtovyi terrorizm» v SSHA – intrigi spetssluzhnb ili zagovor uchenykh?* [Sibirka with home delivery. “Postal terrorism” in the USA – intrigues of intelligence services or a conspiracy of scientists?]. Available at: <https://ps.sept.ru> (accessed July 10, 2026)
2. Historical aspects of bioterrorism. Factors determining the possibility of using pathogenic biological agents as biological weapons. In: Yudin M.A., Bogacheva A.S., Buzmakova A.L. et al. *Problemy osobo opasnykh infektsii* [Problems of especially dangerous infections]. 2023. No. 4. Pp. 32–41. (In Russ.).
3. Abramov D.M. West European medieval heritage of the multi-ethnic Crimea (caffa). *Ehtnodialogi = Etnodialogues*, 2016, no. 2 (51), pp. 120–145. (In Russ.).
4. Kutepov V.A., Pasechnikov Yu.V. On the history of the use of weapons of mass destruction and new means of armed struggle. *OmGTU = OmSTU*, 2014, no. 6, pp. 44–51. (In Russ.).
5. Kosheleva A.I., Mishin V.A., Pavlushina V.P. From the history of smallpox epidemics and vaccination. *Science Time*, 2021, no. 12 (96), pp. 25–29. (In Russ.).
6. Buraeva L.A., Dadova Z.I. Biological terrorism: concept, essence, manifestations. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2020, no. 2, pp. 134–136. (In Russ.).
7. *Issledovaniyachumyi Ehboly. Rabota biolaboratorii Pentagona za predelami SSHA* [Research on plague and Ebola. The work of Pentagon biolaboratories outside the United States]. Available at: <https://tass.ru> (accessed July 10, 2026).
8. Convention on the Prohibition of Biological and Toxin Weapons. In: *Sbornik deistvuyushchikh dogovorov, soglashenii i konventsii, zaklyuchennykh s inostrannymi gosudarstvami* [Collection of current treaties, agreements, and conventions concluded with foreign states]. Moscow, 1977. Issue XXXI. Art. 2,295. 590 p. (In Russ.).

9. Kobets P.N. Features of the phenomenon of bioterrorism in the 21st century and countermeasures. *Nauchnyi portal MVD Rossii = Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 1 (53), pp. 25–33. (In Russ.).
10. Golub K.Yu. Problems and perspectives of the biosecurity ensuring mechanisms within the Collective Security Treaty Organization. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki = Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 2024, no. 1 (854), pp. 9–15. (In Russ.).
11. Beshukova Z.M., Shadzhe A.M. The history of the formation of international legal norms on the prohibition of biological weapons and the fight against biological terrorism. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie obshchestvennye nauki = The Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*, 2022, no. 5, pp. 100–104. (In Russ.).
12. Minnakhametova L.T., Minnakhametova R.R., Misbakhov A.A., Sitdikova A.A. *Biologicheskie chrezvychaynye situatsii: uchebnoe posobie* [Biological emergencies: textbook]. Kazan, 2013. 123 p.
13. Gediev M.Sh. *Nezakonnyi oborot oruzhiya massovogo porazheniya kak prestuplenie protiv mira i bezopasnosti chelovechestva: dis. ... kand. yurid. nauk* [Illegal trafficking in weapons of mass destruction as a crime against peace and the security of humanity: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Stavropol, 2012. 174 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЛЬБИНА АРЧИЛОВНА ШАТАЛОВА – преподаватель кафедры уголовного права и процесса Северо-Кавказского социального института, Ставрополь, Россия, ms.bonami@mail.ru

AL'BINA A. SHATALOVA – Lecturer at the Department of Criminal Law and Procedure of the North-Caucasus Social Institute, Stavropol, Russia, ms.bonami@mail.ru

Статья поступила 16.07.2026